

Информация для цитирования:

Давыдов А. Ю. Сплошная коллективизации в СССР : практика и идеология, некоторые аспекты воздействия на сельский социум / А. Ю. Давыдов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 297—315. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315.

Davydov, A. Yu. (2024). Collectivization in USSR: Practice and Ideology, Some Aspects of its Impact on Rural Society. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 297-315. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315

**Сплошная
коллективизации
в СССР: практика
и идеология, некоторые
аспекты воздействия
на сельский социум**

Давыдов Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

доктор исторических наук, профессор,

кафедра русской истории

(XIX—XXI вв.)

davydov.au@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

**Collectivization in USSR:
Practice and Ideology,
Some Aspects of its Impact
on Rural Society**

Alexander Yu. Davydov

orcid.org/0000-0001-7232-4926

ResearcherID Y-4039-2018

Doctor of History, Professor,

Department of Russian

History (XIX—XXI centuries)

davydov.au@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье обобщены выработанные в историографии основные подходы к пониманию сплошной коллективизации в СССР, определившей ряд специфических черт перехода отечественного социума от аграрной фазы к индустриальной. Аргументируя тезисы о перспективности нэповского сельского хозяйства и о тупиковости сталинского варианта его обобществления, автор исходит из присущего крестьянству «сим-практического» типа культуры. Исторически сложившееся мироощущение членов деревенского сообщества лежало в основе высокой трудовой мотивации. Разрушение этого мироощущения в ходе сплошной коллективизации стало причиной трагедии. Представлены результаты сопоставительного анализа двух этапов социалистического преобразования села. Рассматриваются вопросы разрушительного воздействия экспроприации крестьян на экономику на первом этапе. Изучаются проблемы выхода из кризиса на втором этапе путем снятия ряда ограничений с частного хозяйства. Проведен анализ факторов социальной деградации отечественной деревни 1930-х годов, обнаружено их проявление в сфере межнациональных отношений. Новизна исследования видится в том, что на основе осмысления материалов рассекреченной в 2000-е годы «особой папки» Ленинградского обкома ВКП(б) автор впервые проследил своеобразные проявления противоречий коллективизации в судьбах финского населения Ленинградской области.

Ключевые слова:

коллективизация; частичная деколлективизация; экспорт зерна; хлебозаготовки; переселенцы; национальные противоречия; Токсово Ленинградской области; Токсовский сельсовет; Токсовский финский национальный район.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article provides a comprehensive overview of the main approaches developed in historiography to understand the process of collectivization in the USSR, which determined several specific features of the transition of the domestic society from an agrarian phase to an industrial one. Arguing for the viability of the New Economic Policy's rural economy and the deadlock of Stalin's version of its collectivization, the author relies on the inherent "sympractical" type of peasant culture. The historically developed worldview of rural community members formed the basis for high labor motivation. The destruction of this worldview during the process of collectivization became the cause of tragedy. The article presents the results of a comparative analysis of two stages of socialist transformation in the village. It examines the destructive impact of the expropriation of peasants on the economy in the first stage and explores the issues of crisis resolution in the second stage through the removal of certain restrictions on private farming. The article analyzes the factors of social degradation in the Soviet countryside in the 1930s and identifies their manifestation in interethnic relations. The novelty of the research lies in the author's examination, based on the materials from the declassified "special file" of the Leningrad Regional Committee of the CPSU(B) in the 2000s, of peculiar manifestations of collectivization contradictions in the fate of the Finnish population in the Leningrad region.

Key words:

collectivization; partial decollectivization; grain export; grain procurement; resettlement; national contradictions; Toksovo, Leningrad region; Toksovo rural council; Toksovo Finnish national district.

Сплошная коллективизации в СССР: практика и идеология, некоторые аспекты воздействия на сельский социум

© Давыдов А. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Актуальной научной проблемой остается определение роли и места сплошной коллективизации в *радикальной социалистической реконструкции* (термин, употреблявшийся современниками событий коллективизации) институтов советского общества, и в первую очередь сельского социума. Следует отчетливо представить соотношение идеологии и практики кардинальной перестройки деревни. Стоит разобраться в том, какие новые противоречия социального и национального характера она породила на селе.

Остановимся на вопросе о целесообразности рассматриваемого преобразовательного проекта для народного хозяйства. Тезис об экономическом провале, к которому привела кампания по реконструкции села, совершенно справедлив, ибо она не стала источником серьезных валютных поступлений, необходимых для индустриального рывка. Кроме того, сельскохозяйственная организация, пришедшая на смену системе НЭПа, сильно пострадала в результате перестроек начала 1930-х годов и плохо справлялась с поставками продовольствия на внутренний рынок. В данной связи требует дальнейшего обсуждения актуальная тема изживания глубокого кризиса, порожденного реконструкцией деревни. Поскольку сплошная коллективизация не достигла экономических целей, то напрасными представляются и ее последствия. Между тем они принадлежат к разряду весьма трагических. К ним относится архаизация деревни, выразившаяся в ее обеднении и в возрастании тяжести крестьянского труда. Фактор деградации села давал себя знать в сфере межнациональных отношений, о чем пойдет речь далее.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Экономическая политика выступала первопричиной социальной деградации, и ее обсуждению в научной литературе стоит уделить внимание. Современный автор, специалист по истории отечественного крестьянства В. В. Кондрашин констатирует: «Материальная выгода от продажи зерна

не могла ничего изменить» [Кондрашин, 2008, с. 167]. Вместе с тем известный историк-аграрник В. П. Данилов писал: «Сталинский вариант накопления капиталов для индустриализации путем катастрофического разорения и беспощадной эксплуатации деревни явился историческим наказанием крестьянству и стране» [Данилов, 2002, с. 29]. Ученые указывают на потерю советским обществом в результате сплошной коллективизации 30 % валового внутреннего продукта в течение 1930-х годов. В данном контексте с паллиативной точкой зрения выступил исследователь Роберт С. Аллен, отвергающий эффективность сталинской политики изъятия хлеба по сниженным ценам, но признающий положительную роль принудительной миграции крестьян в города [Аллен, 2013, с. 215, 218]. В то же время некоторые историки настаивают на решающей роли отнятого у крестьян и проданного за границу хлеба в создании инвестиций для мощной промышленности. Например, с таким императивным суждением выступает Б. А. Филиппов, утверждая: «Коллективизация создала необходимые условия для осуществления индустриального скачка» [Филиппов, 2013, с. 155]. Е. А. Осокина рассматривает эту общественно-политическую кампанию в качестве значимого ресурса промышленного рывка [Осокина, 2009, с. 11, 339].

Автор данной статьи исходит из концепции «симпрактического» типа культуры, присущего российскому крестьянству и не предполагавшего массового обобществления сельских хозяйств. Коллективизация, деформировавшая традиционные упорядоченность трудовых мотивов и систему ценностей, вызвала аберрацию экономического развития и породила социальную деградацию деревни. Наряду с этим сельчанам удалось сохранить подсобные хозяйства, представлявшие собой небольшую часть прежних наделов доколхозного времени. В статье затрагивается важная тема возрождения личных хозяйств крестьян как альтернативы коллективизированной экономике. В то же время учитывается, что выход сельского хозяйства из кризиса во второй половине 1930-х годов отнюдь не означал преодоления архаизации села, ибо крестьяне стали жить много беднее, но при этом им приходилось выдерживать чрезмерные трудовые нагрузки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отправная точка и ход кампании

В стране к началу НЭПа осуществилась аграрная революция. Историки обнаруживают в нэповском сельском хозяйстве постепенное изменение соотношения архаики и модерности в пользу последней [Данилов, 2002, с. 29; Великанова, 2013, с. 293, 294, 297, 309, 310; Давыдов, 2021, с. 103—146]. Сельское хозяйство развивалось противоречиво, коллизия проявляла себя в сокращении хлебозаготовок к исходу 1920-х годов по причине де-

формации ценовой политики государства. Современные ученые нередко делают трагедию из кризисов НЭПа [Северьянов, 2018, с. 265—274]; однако в сравнении с коллапсами 1930-х годов они представляли собой угрозы второстепенного характера [Кондрашин, 2008, с. 99—104].

В конечном счете решающую роль играла такая — на первый взгляд — отвлеченная категория, как духовная связанность земледельца с его хозяйством. В цикле очерков «Власть земли» Г. И. Успенский обосновал идею слитности отечественного крестьянина с землей [Успенский, 1949, с. 334, 337]. Развивая его мысли, современный исследователь В. Н. Романов крестьянскую культуру называет «симпрактической» (то есть целиком зависимой от практики, от власти земли) [Романов, 1991, с. 172—173]. В основе ее обнаруживается подчиненность десятков миллионов деревенских работников тяжелому и систематическому крестьянскому труду. «Симпрактичность» — коренное условие крестьянских трудолюбия и неприхотливости, которые и делали сельских жителей бесценным ресурсом для индустриализации страны. Бесспорно, большинство крестьянства было крепко привязано к земле и соглашаться на перемену образа жизни не собиралось. Тем не менее к исходу 1920-х годов избыток сельского населения составлял около 10 млн чел., готовых посвятить себя городским профессиям [Фицпатрик, 2001, с. 96]. Советское централизованное унитарное государство, как никакое другое, располагало возможностями для налаживания механизма добровольного и последовательного вовлечения сельских тружеников в модернизацию страны. Однако особый тип крестьянской культуры большевиками-марксистами воспринимался просто как чуждая модернизации архаика и сознательно искоренялся. Был выбран крайне неудачный способ использования трудового потенциала — обречь людей на внезапный великий исход из деревни.

Первый пятилетний план в варианте 1928—1929 годов не предполагал сплошной коллективизации. Власть, приступая к развертыванию капитального индустриального строительства, смирилась с тем, что на международную продажу зерна как на ключевой источник накоплений рассчитывать не придется. На первых порах ставка делалась на вывоз за границу таких товаров, как нефть, пушнина, лесоматериалы, текстиль, золото, руды, металлы [Как ломали ..., т. 4, с. 327—328; т. 5, с. 88].

Между тем на рубеже 1929—1930 годов И. В. Сталин сделал свой выбор, опубликовав 7 ноября 1929 года в газете «Правда» статью «Год великого перелома». Она содержала принципиальную установку на массовую коллективизацию. Были сфабрикованы проекты ускоренного индустриального скачка, выходившего за пределы первоначального замысла и подразумевавшего в том числе вовлечение подавляющего большинства сельчан

в коллективные хозяйства. Иллюзии относительно возможности легко получить зерно и валюту подпитывали партийные комитеты и советские СМИ. Судя по периодической печати и материалам пленумов ЦК ВКП(б), компартия тогда сильно запаниковала из-за придуманной ею самой «кулацкой» угрозы [Кип, 2009, с. 64].

Не вдаваясь в многочисленные перипетии хода сплошной коллективизации, напомним, что серьезный урон аграрной сфере был нанесен в январе — марте 1930 года. В небывалой спешке осуществлялись неоднократные разделы и переделы общинных земель на колхозные и единоличные части, к тому же началась путаница с разными методами землеобработки; серьезно сократилось поголовье сельскохозяйственных животных. Затем — после марта — власть опаматовалась и с ее вынужденной санкции крестьяне начали из колхозов выходить, требуя возвратить им землю. Инфраструктура сельского хозяйства оказалась полуразрушенной, крестьяне далеко не всегда понимали, где им сеять, можно ли пользоваться выгонами, лесами и водопоем [Фицпатрик, 2001, с. 124—125, 127]. К тому же антиколхозные выступления крестьян приобрели массовый характер, и — как отмечают некоторые историки — «в стране фактически началась гражданская война» [Ивницкий, 2009, с. 91; Доброноженко, 2007, с. 159].

Поскольку посевная кампания 1930 года находилась под угрозой, то власть принялась аккуратнее насаждать колхозы. Ограничились масштабы применения в селах грубого насилия, единоличников стали изматывать регулярным повышением налогов. Были упразднены в июле 1930 года постановлением ЦИК СССР оказывавшие сопротивление коллективизации сельские общины [История ..., 1959, с. 306—307]. При этом с неоправданной жестокостью проводились хлебозаготовки, ставшие одним из факторов подрыва производительных сил и вызвавшие многочисленные жертвы [Зима, 2006, с. 48; Хлевнюк, 2010, с. 119].

Историки начали обращать внимание на синергетический эффект взаимодействия по крайней мере двух детерминант массового голода. Доказано, что причиной миллионов голодных смертей выступало не только принудительное изъятие зерна у сельчан, но и существенное падение урожайности из-за утраты людьми стимулов к эффективному труду. С 2000-х годов ученые начали выявлять глубинные предпосылки трагедии в нежелании крестьян трудиться за нищенскую плату. На колхозы сельчане работали спустя рукава, проще говоря, саботировали [Современное ..., 2015, с. 658]. Обычными стали просевы, сознательное уменьшение норм выработки, хищения семян, незначительное отношение к рабочему скоту и сельхозинвентарю.

Тем не менее к 1937 году, признанному И. В. Сталиным первым годом построенного в СССР социализма, коллективизация, по словам историка

В. Н. Земскова, «практически завершилась с почти полным охватом сельского населения колхозно-совхозной системой» [Земсков, 2012, с. 113].

3.2. Коллективизация и проблема накоплений

Обратимся к толкованию изучаемой общественно-политической кампании как источника накоплений для индустриализации. Вот сопоставимые цифры, основанные в первую очередь на выкладках экономистов 1930-х годов Д. Д. Мишустина и С. Н. Бакулина, а также современного историка Ю. А. Васильева. Наибольшую выручку от продажи зерна в зарубежье удалось получить в 1930 году — 883 млн руб.; тогда же продажа только четырех товаров (нефтепродуктов, пиломатериалов, пушнины и хлопчатобумажных тканей) дала 1 млрд 971 млн руб. В 1931 году цифры эти выглядели так: 558 млн. и 1 млрд 452 млн. В последующие годы сельское хозяйство в СССР стремительно деградировало. В казну в 1932 годовом году поступило от экспорта хлебов 226 млн руб., а от указанных четырех видов продукции — 1 млрд 94 млн (одна пушнина дала в том году 185 млн). В 1933 году лишь вывоз пушнины позволил выручить средств больше, чем вывоз хлеба. В 1935 году было вывезено 0,9 % собранного зерна [Бакулин, 1940, с. 297; Мишустин, 1938, с. 101, 108; Васильев, 2006, с. 332]. Согласимся с мнением современных авторов, аргументирующих тезис о решающей роли неаграрных видов экспорта в создании накоплений [Осокина, 2009, с. 52, 79—80, 96; Соколов, 2005, с. 122—123, 127].

Встает вопрос: можно ли было упадок сельского хозяйства и окончательную утрату им экспортного потенциала компенсировать преимуществами его укрупнения и индустриализации? Прежде всего отметим, что такие преимущества (применение тракторов и проч.) уходят на второй план с учетом масштабов потерь. Историки пришли к выводу о том, что оказались погубленными десятки миллионов тонн зерна. Малокомпетентный, не обладавший достаточной материальной базой государственный аппарат не справился со сложнейшими задачами консолидации, сортировки, хранения, транспортировки увеличившихся в период коллективизации зерновых поступлений. Отсутствовала инфраструктура для единовременного приема огромных продовольственных запасов. Склады, элеваторы, транспорт, хлебозаготовительный аппарат (грузчики, возчики, учетчики, охранники) — ничто не было подготовлено в должной мере [Кондрашин, 2018, с. 96—97]. По свидетельству Е. В. Кодина, потери зерновых в 1931 году выразились огромной цифрой в 60 млн тонн [Кодин, 1998, с. 257]. По утверждению В. В. Кондрашина, в том году погибло 50 млн тонн хлеба, что составляло почти половину выращенного урожая [Кондрашин, 2008, с. 110—111].

Вот впечатляющий документ, обнаруженный нами в фонде петербургского архива и никогда ранее не публиковавшийся. 15 сентября 1933 года

секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров сообщал в ЦК партии секретарю Л. М. Кагановичу и в Совнарком председателю В. М. Молотову о том, что в Ленинград почти 40 % зерна (это 3700 вагонов) поступило в сыром виде; отмечалось, что оно превратилось в пути «в дефективное, непригодное на продовольственные цели» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 1 б, д. 719, л. 31—33]. Кризис сельского хозяйства и деградация деревни никак не могут быть объяснены нуждами индустриализации страны. Примечательно, что даже бывший в 1930-е годы главой правительства В. М. Молотов, на протяжении всей своей жизни остававшийся неколебимым приверженцем И. В. Сталина, через полвека после описываемых событий признал ошибочность проведенного в деревнях социального эксперимента [Чуев, 1999, с. 456].

3.3. Кризис и пути выхода из него

Поскольку сплошная коллективизация не играла ключевой роли в обеспечении индустрии валютой (для закупки оборудования и технологий), то следует констатировать то, что не экономические, а идеологические доминанты в первую очередь определяли ее содержание. Тем более сильным было социальное потрясение, пережитое деревней. Предполагалось, что экспроприация крестьян и превращение их в рабочих с крохотными огородами устранил причины возрождения эксплуатации на селе, а организованное на уравнилельных началах сельское хозяйство станет социалистическим. В деревнях муссировались слухи о том, что детей в коммунах-колхозах станут клеймить, а женщины будут общими [ЦГАИПД СПб, ф. Р-4000, оп. 18, д. 219, л. 20]. Материализовывался проект создания общества без религии, на что указывало сокращение на протяжении 1930-х годов почти в пять раз численности церквей в стране [Хоскинг, 2012, с. 160; Эпоха ..., 2017, с. 352]. Жестоко преследовались священнослужители; в частности, в докладной записке Боровичского окружкома ВКП(б) упоминалось о священнике, которого при выселении из села Кончанское под Боровичами на виду у прихожан тащили за волосы по площади [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 1 б, д. 108, л. 2]. Не случайно одним из требований недовольной деревни оказывалось возвращение служителей церкви [ЦГАИПД СПб, ф. Р-4000, оп. 18, д. 51, л. 7].

Изучается вопрос о движущих силах форсированной коллективизации. Она напоминали нашествие революционных городов на феодальную деревню. Наблюдение и контроль за сельскими тружениками осуществляли антикулацки настроенные посланцы индустриальных центров. Многочисленные начальники, прибывшие из городов, позволяли себе по собственному произволу арестовывать земледельцев и конфисковывать их имущество. Поэтому на селе царил правовой хаос [Хлевнюк, 2010, с. 38].

Между тем революционное, ригористическое воодушевление исчерпало себя. К середине 1930-х годов масса горожан-коммунистов, нагрянувших на село в связи с форсированной коллективизацией, возвратилась в города. Начальниками на селе (председателями и членами правлений колхозов, руководителями исполкомов сельсоветов, директорами предприятий районного значения) в большинстве случаев опять становились местные жители [Кондрашин, 2018, с. 283—284]. Многие из них фактически несли обязанности, которые в далеком прошлом исполняли управляющие помещичьими имениями и сельские старосты. Это важно подчеркнуть, ибо открывались возможности для сделки между сельчанами и новым руководством деревни, то есть стал возможен обмен ценностями и услугами между акторами деревенской реальности.

Наряду с этим не до конца ясно, каким образом обескровленное сельское хозяйство смогло выстоять. Думается, механизм преодоления острых кризисных явлений выработался в результате воздействия следующих факторов: во-первых, уступок верховной власти, умерившей свой идеологический ригоризм, во-вторых, активности крестьян в углублении полученных поблажек.

Сначала о первом пункте. Сталин и его окружение разрешили сельчанам сохранить «мелкособственнические» привычки и возродить элементы частного хозяйства. На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) (1934 года), а потом на Втором съезде колхозников-ударников (февраль 1935 года) было позволено существенно расширить площадь личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников. В зависимости от региона крестьянам разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах до 1 га приусадебной земли, от одной до двух коров, неограниченное количество птицы; единоличникам — в отличие от колхозников — позволили иметь лошадей, и они взяли на себя функции обработки личных земельных участков. Важно, что разрешалась и продажа сельскими тружениками произведенной ими продукции на рынках. Частичное возрождение нэповских принципов трудовой мотивации иногда в литературе называют «неонэпом» [Зеленин, 1994, с. 118; Зеленин, 2006, с. 193—198].

Теперь о второй — более значимой — причине восстановления отдельных фрагментов сельского хозяйства. Колхозники сумели из уступки власти выжать максимум выгоды. О способах их приспособления к реальности узнаем из доклада ленинградского областного прокурора П. П. Пальгова секретарю обкома ВКП(б) А. С. Щербакову (ноябрь 1936 года). Оказывается, массовый характер приняло распределение по решению общих собраний колхозов пустующих общественных земель между земляками. Иногда председатели по своей воле сдавали пастбища в аренду односель-

чанам (чаще не за деньги, а «за вино») или даже продавали их. Прокурор докладывал: «В районах Ленинградской области были вскрыты массовые случаи распределения колхозных покосов среди колхозников для личных нужд» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 в, д. 1828, л. 148—149]. Речь шла о частичной деколлективизации. Из «спецзаписки», отправленной в 1936 году Лужским райкомом партии в Ленинградский обком ВКП(б), видно, что в Лужском районе площади отдельных усадеб доходили до полутора гектаров [ЦГАИПД СПб, ф. Р-1652, оп. 1, д. 1209, л. 4]. Фиксировались случаи, когда колхозы нанимали людей со стороны, а сами колхозники целиком посвящали себя труду в личных хозяйствах [Фицпатрик, 2001, с. 168—169].

Исследователь А. К. Соколов писал об изучаемом времени: «Занимая ничтожную часть земледельческих площадей и владея небольшой долей продуктивного скота, личное подсобное хозяйство поставляло почти половину сельскохозяйственной продукции в стране» [Соколов, 2008, с. 28]. Историк Л. Е. Файн приводил данные о том, что деревенские личные подсобные хозяйства давали от 50 до 72 % молока, мяса, шерсти, плодов; он писал о распространении их всего лишь на 2 % земельной площади [Файн, 2008, с. 93]. Здесь приведен официально зарегистрированный размер крестьянских земель, на самом деле — за счет сделки с местным начальством — они охватывали гораздо большую территорию; «подсобными» такие хозяйства можно называть с большой натяжкой, ибо они выступали реальными конкурентами колхозов. Процедуры адаптации крестьянами колхозных практик исследователь В. В. Бабашкин назвал «очень эффективными формами повседневного сопротивления общинной деревни политическим мероприятиям сверху». Более того, в деятельности ряда колхозов он усмотрел «возвращение к общинно-крестьянскому типу хозяйствования на земле» [Бабашкин, 2020, с. 241].

Тут мы встречаемся с проблемой. В. А. Ильиных не согласен с теми крестьяноведами (В. В. Бабашкиным и другими), которые, «не отрицая антикрестьянский характер аграрной политики советского государства в начале 1930-х годов, тем не менее полагают, что ее направленность кардинально изменилась к середине 1930-х», когда, «осознав угрозу существования их власти, деятели сталинского режима пошли на компромисс с крестьянством». Владимир Андреевич Ильиных справедливо возражает против вручения И. Сталину «лавров едва ли не главного сберегателя российского крестьянства» [Ильиных, 2021, С. 72, 73, 89].

В. Ильиных особо подчеркивает свою солидарность с одним из основателей отечественного крестьяноведения В. П. Даниловым в том, что история крестьянства всего рассматриваемого десятилетия представляла собой деревенскую трагедию [Ильиных, 2021, с. 89; Поляков, 1999, с. 13, 17, 34,

50, 52, 61]. Между тем, соглашаясь с этим общим выводом, мы все же не решаем вопрос о том, как действовал механизм преодоления катастрофического кризиса. Выход из историографической коллизии обнаруживается в обосновываемом автором этих строк положении о решающей роли самих сельских тружеников в максимальном расширении тех поблажек, на которые пошла власть. Не вождь, а сами крестьяне спасли себя и страну.

Сельчане возродили единоличную экономику, встречая противодействие начальства. В. А. Ильиных обратил внимание на проведение властями «широкомасштабных кампаний по ограничению размеров ЛПХ», заключавшихся «в изъятии у колхозников и других жителей деревни “излишков” скота и земли» [Ильиных, 2021, с. 84]. Таким образом, расширяя свое хозяйство, деревенские труженики вступали в перманентный конфликт с государственными органами.

Одновременно крестьянство оказалось под прессом изнурительной трудовой нагрузки. Тяжесть труда в сравнении со временем НЭПа решительно возросла, и за счет этого преодолевалось кризисное состояние аграрного производства. Большинству сельчан приходилось работать и на колхозных поле или ферме, и на приусадебных участках, а также выполнять дорожные, извозные и прочие повинности [Безнин, 2001, с. 6, 13, 15; Соколов, 2008, с. 30]. Труженики выматывались, деревня год за годом теряла силы.

3.4. Частичная деколлективизация и национальный конфликт

Автор остановится на частном сюжете, наглядно иллюстрирующем выдвинутый выше тезис о приспособлении сельчанами суровой реальности к своим интересам путем сделки с местным начальством. В нем приведены данные о возрождении выселенными финскими крестьянами свободного единоличного хозяйства на одной из крупных территорий отечественного Северо-Запада в конце 1930-х годов. Факты обнаружены в докладной записке из «особой папки» Ленинградского обкома ВКП(б), которая содержится в фонде ЦГАИПД СПб. Расскажем о них подробнее.

Вторая половина 1930-х годов стала временем, когда советское государство при переселении больших масс людей ставило на первое место не социально-классовый признак (например, принадлежность к кулакам), а этнический принцип. В частности, в указанные годы из Ленинградской области и Карелии переместили в восточные районы 5059 финских семей общей численностью 23217 чел. В том числе происходило постепенное выселение жителей Токсовского финского национального района Ленинградской области, что объяснялось его пограничным положением; при этом оставалась актуальной и антикулацкая направленность данной кампании, ибо финские деревни принадлежали к числу зажиточных [Земсков,

2018, с. 68]. В мае 1939 года административно-территориальную единицу вовсе упразднили с включением в состав Парголово́ского района. Между тем бывшие обитатели национальной территории чувствовали себя неууютно на новом месте — в Вологодской области. К тому же взаимоотношения местных жителей с ними оказались напряженными.

Отправленный из-под Токсово по железной дороге сельскохозяйственный инвентарь изгнанники получили в поврежденном состоянии; вдобавок уже после его прибытия на станцию многое было разворовано кореными жителями. Коровы, выданные вместо прежних животных, давали по два литра молока; удо́йность на старом месте составляла 16 литров. В своих несчастьях финны обвинили не власти, а исключительно вологодских жителей, и — как писал направленный для урегулирования конфликта инструктор обкома партии — «финны перестали отвечать на приветствия русских». В то же время измученные тяготами колхозной жизни вологжане видели в переселенцах конкурентов. По словам партработника, они «проявляли великодержавный шовинизм» и заявляли: «Черт вас принес, и без вас трудно живется» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 84. л. 9, 10, 15, 16, 23]. Сплошная коллективизация и переселенческая политика привели в действие механизм, обостривший межнациональные противоречия.

Переведенцы любой ценой стремились вернуться назад, и многим это удалось сделать. Получилось так, что освобожденным от населения оказался огромный по площади регион их прежнего обитания. В нем когда-то действовали 100 колхозов и располагалось 3000 крестьянских хозяйств. После передачи домов с надворными постройками Ленинградскому военному округу две трети из них увезли в Токсово для использования под дачи командиры РККА и работники Управления дорожного строительства НКВД. Около 1000 домов остались бесхозными [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 18]. В результате возникла своего рода фронтирная зона, хозяйствующими субъектами в которой на первых порах оказались преимущественно лесозаготовительные участки. Тем временем выселенцы, добившись получения в колхозах по новому месту жительства справок о разрешении на отходничество, начали возвращаться на прежнее место жительства. С ведома местных организаций хозяйственного управления Ленинградского военного округа они заняли пустые строения, построили десятки новых изб и принялись возрождать сельское хозяйство. В отделении милиции Токсовского сельсовета их прописывали (сначала временно, а потом постоянно) наравне с рабочими-лесозаготовителями. Колхозов в этом фронтире не имелось, зато к 1940 году появилось 233 единоличных хозяйства, выплачивавших налог районному финансовому отделу исполкома Парголово́ского совета.

Свободной земли под Токсово было вдоволь, крестьяне трудились на себя, хозяйства процветали; в деревне Сергеевка, например, все 30 домовладений относились к зажиточным. Начальник переселенческого отдела Ленинградского областного совета Борисов 29 ноября 1940 года докладывал секретарю обкома партии Т. Ф. Штыкову: «В зоне спецназначения выращиваются настоящие кулаки». Для примера Борисов указал на жителя деревни Васкелово Е. В. Старцева, который «имеет лошадь, корову, овец и обложен, как единоличник, налогом в 1245 рублей» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 19, 30]. Кстати, Борисова тревожило то, что численность единоличников в «расселенном» районе оказалась в разы больше, чем официально считалось, ибо многие из них регистрировались как лесозаготовители. Он перечислял фамилии «лесных рабочих», обрабатывавших приусадебные участки от 0,5 до 1 га, при этом имевших посевы овса и картофеля. Борисов добавлял: «Сенокосные угодья скашиваются рабочими для личного скота и для продажи» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 20—21]. Чиновник сделал итоговый вывод: «Существовавшая ранее колхозная обработка земли начинает заменяться единоличной с явно спекулятивными тенденциями» [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 21].

В январе 1941 года все эти документы попали на стол к секретарю Ленинградского обкома А. А. Жданову. Познакомившись с ними, он на записке Борисова оставил резолюцию: «Надо вздрючить». Бюро обкома постановило «ликвидировать создавшиеся единоличные хозяйства в отселенной зоне». Однако отделить преуспевающих единоличников от лесозаготовителей представлялось делом затруднительным, поэтому проблему отложили до 1942 года, когда предполагалось завершить рубку леса под Токсово. Вместе с рабочими изгнали бы и замаскировавшихся под них крестьян [ЦГАИПД СПб, ф. Р-24, оп. 2 а, д. 174, л. 26, 27, 35].

4. Заключение = Conclusions

Ключевым социальным последствием социалистической реконструкции аграрного сектора выступила деформация той системы трудовой мотивации, которая сложилась исторически и основывалась на «симпрактическом» типе культуры крестьянства. Большевистским руководителям «мелкобуржуазный» и архаичный крестьянский уклад представлялся на исходе 1920-х годов изжившим себя. После возобладания в верхах левых тенденций и перехода к сплошной коллективизации аграрная экономика оказалась полуразрушенной. Вместе с тем дестабилизированное в начале 1930-х годов сельское хозяйство все же продолжило в следующие годы обеспечивать внутренний рынок минимальным количеством продовольствия.

В статье аргументируется положение о том, что причинами жизнестойкости сельской экономики стали отход власти от ригористических крайностей аграрной политики и — в первую очередь — максимальное расширение крестьянами рамок предоставленных им возможностей самостоятельного хозяйствования. Подсобное хозяйство оставалось той сферой экономики, в которой труженики деревни имели возможность реализовать личный материальный интерес, а также проявить свою органическую связанность с землей. Как было отмечено, даже высшие партийные чины не всегда располагали возможностями пресечения своеволия крестьян, явно нарушавших уставной алгоритм колхозного строительства.

В статье сделан акцент на двух этапах реконструкции аграрного сектора. До 1934 года целиком преобладала идеологическая доминанта радикального социалистического преобразования деревни, предполагавшая тотальную экспроприацию крестьянских хозяйств. Далее, на втором этапе партийная власть вынуждена была смириться с реальностью и пойти на уступки, предоставив сельским жителям льготы в отношении увеличения размеров подсобных хозяйств, а также позволив им торговать излишками продукции на рынках. В свою очередь сельчане, вступая в сделки с местными начальниками, сумели значительно превзойти уставные нормы площадей личных полей. Это и была частичная деколлективизация, существенно расширившаяся в период Великой Отечественной войны. Недаром в принципиально важном постановлении Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах» изображалась масштабная картина разрастания «приусадебных участков колхозников», осуществлявшегося с благословления правлений и председателей колхозов, руководителей сельсоветов и райсоветов [Решения ..., 1968, с. 336—341]. Вместе с тем соединение обобщественного и частного укладов, отчасти нивелировавшее кризисные крайности сплошной коллективизации, было связано с серьезным возрастанием трудовой нагрузки на крестьян.

В статье сделан акцент на проявлении в сфере межнациональных отношений феномена совмещения курса сплошной коллективизации и направлений переселенческой политики. Полностью сосредоточенные на собственном выживании колхозники нередко проявляли враждебность в отношении изгоев-переселенцев, в которых видели конкурентов. Приходится признать, что особую неприязнь с их стороны вызывали прибывавшие из дальних краев чужаки — представители других национальностей. Власть при этом занимала выгодную для нее позицию примирителя враждовавших сторон.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *История колхозного права* : сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. В 2 т. 1917—1936 гг. — Москва : Госюриздат, 1959. — Т. 1. — 518 с.
2. *Как ломали НЭП*. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928—1929 гг. : в 5 т. / Отв. ред. В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк. — Москва : МФД, 2000. — Т. 4. — 767 с. ; Т. 5. — 703 с.
3. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*. В 5 т. 1941—1952 гг. / Сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 3. — 754 с.
4. *Успенский Г. И.* Избранные произведения / Г. И. Успенский. — Москва : «Московский рабочий», 1949. — 599 с.
5. ЦГАИПД СПб — *Центральный* государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-24 (Ленинградский областной комитет КПСС). Оп. 1 б. Д. 108. Л. 2 ; Ф. Р-24. Оп. 1 б. Д. 719. Л. 31—33 ; Ф. Р-24. Оп. 2 а. Д. 84. Л. 9, 10, 15, 16, 23 ; Д. 174. Л. 18—21, 26—27, 30, 35 ; Ф. Р-24. Оп. 2 в. Д. 1828. Л. 148—149 ; Ф. Р-1652 (Лужский районный комитет КПСС). Оп. 1. Д. 1209. Л. 4 ; Ф. Р-4000 (Ленинградский институт историко-политических исследований). Оп. 18. Д. 51. Л. 7 ; Ф. Р-4000. Оп. 18. Д. 219. Л. 20.
6. *Чуев Ф. И.* Молотов : полудержавный властелин / Ф. И. Чуев. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — 736 с. — ISBN 5-224-00482-9.

Литература

1. *Аллен Р. С.* От фермы к фабрике : новая интерпретация советской промышленной революции / Р. С. Аллен. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. — 390 с. — ISBN 978-5-8243-1810-4.
2. *Бабашкин В. В.* Социальные аспекты коллективизации крестьянского хозяйства в СССР в 1930-е гг. и «второй коллективизации» в 1950-е гг. / В. В. Бабашкин // *Социальный мир деревни Х—XXI вв. : земельные собственники/землевладельцы и земледельцы*. — Москва : ИРИ РАН, 2020. — С. 240—243. — ISBN 978-5-8055-0384-0.
3. *Бакулин С. Н.* Статистика внешней торговли / С. Н. Бакулин, Д. Д. Мишустин. — Москва : Международная книга, 1940. — 320 с.
4. *Безнин М. А.* Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова. — Вологда : Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2001. — 141 с. — ISBN 5-93299-025-2.
5. *Васильев Ю. А.* Модернизация под красным флагом / Ю. А. Васильев. — Москва : Современные тетради, 2006. — 343 с. — ISBN 5-88289-301-1.
6. *Великанова О. В.* Крестьянский союз в 1920-е гг. и формирование крестьянской идентичности : модернизационный дискурс / О. В. Великанова // *Человек и личность в истории России, конец XIX—XX век : Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 7—10 июня 2010 года)*. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 293—310.
7. *Давыдов А. Ю.* Новая экономическая политика : власть, народ, хозяйство в послереволюционной России / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2021. — 320 с. — ISBN 978-5-8071-0517-2.

8. Давыдов А. Ю. «Социалистическая реконструкция» 1930-х годов : СССР идет к большой войне / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2023. — 384 с. — ISBN 978-5-8071-0591-2.

9. Данилов В. П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861—2001) / В. П. Данилов // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. — Москва : Наука, 2002. — Т. 1. — С. 13—67. — ISBN 978-5-8243-0006-2.

10. Данилов В. П. Введение (истоки и начало деревенской трагедии) / В. П. Данилов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927—1939. — Москва : РОССПЭН, 1999. — Т. 1 : Май 1927 — ноябрь 1929. — С. 13—67.

11. Доброноженко Г. Ф. Коми деревня в 30-е годы XX века : политические репрессии и раскулачивание / Г. Ф. Доброноженко. — Сыктывкар, изд. Сыктывкарского ун-та, 2007. — 324 с. — ISBN 978-5-87337-562-3.

12. Зеленин И. Е. Был ли колхозный «неонэп»? / И. Е. Зеленин // Отечественная история. — 1994. — № 2. — С. 105—121.

13. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930—1939 : политика, осуществление, результаты / И. Е. Зеленин. — Москва : Наука, 2006. — 315 с. — ISBN 5-02-035087-7.

14. Земсков В. Н. Проблемы изучения и интерпретации коллективизации в сельском хозяйстве и создания колхозно-совхозной системы в СССР / В. Н. Земсков // Власть и общество в истории России. — Москва : АИРО-XXI, 2012. — С. 105—120.

15. Земсков В. Н. Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924—1954. / В. Н. Земсков. — Москва : Вече, 2018. — 304 с. — ISBN 978-5-4444-6437-3.

16. Зима В. Ф. Голод 1932—1933 годов в письмах трудящихся России / В. Ф. Зима // Отечественная история. — 2006. — № 2. — С. 47—55.

17. Ивницкий Н. А. Голод 1932—1933 годов в СССР : Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центральная-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н. А. Ивницкий. — Москва : Собрание, 2009. — 288 с. — ISBN 978-5-9606-0076-7.

18. Ильиных В. А. Сибирская деревня в период коллективизации : микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) / В. А. Ильиных // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С. 71—90.

19. Кип Д. Эпоха Иосифа Сталина в России : современная историография / Д. Кип, А. Литвин. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 327 с. — ISBN 978-5-8243-1115-0.

20. Кордин Е. В. «Смоленский архив» и американская советология / Е. В. Кордин. — Смоленск : СГПУ, 1998. — 285 с. — ISBN 5-88018-092-1.

21. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов : трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 518 с. — ISBN 978-5-8243-0987-4.

22. Кондрашин В. В. Политотделы МТС в 1933—1934 гг. / В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин. — Москва : Алгоритм, 2018. — 304 с. — ISBN 978-5-906914-75-0.

23. Мишустин Д. Д. Внешняя торговля и индустриализация СССР / Д. Д. Мишустин. — Москва : Международная книга, 1938. — 223 с.

24. Осокина Е. А. Золото для индустриализации : Торгсин / Е. А. Осокина. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 589 с. — ISBN 978-5-8243-1110-5.

25. Романов В. Н. Историческое развитие культуры : Проблемы типологии / В. Н. Романов. — Москва : Наука, 1991. — 190 с. — ISBN 5-02-017238-3.

26. Северьянов М. Д. Революция как историческое явление / М. Д. Северьянов, Л. Ю. Анисимова. — Красноярск : СФУ, 2018. — 322 с. — ISBN 978-5-7638-3786-5.

27. *Современное* крестьяноведение и аграрная история в XX веке / Сб. ст. под ред. В. В. Бабашкина. — Москва : Политическая энциклопедия, 2015. — 742 с. — ISBN 978-5-8243-1989-7.
28. Соколов А. К. Принуждение к труду в советской экономике : 1930-е — середина 1950-х гг. / А. К. Соколов // ГУЛАГ : экономика принудительного труда. — Москва : РОССПЭН, 2008. — С. 17—66.
29. Соколов А. К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международном рынках в 1920 е гг. / А. К. Соколов // Экономическая история. Обзорение. — Москва : Изд-во МГУ, 2005. — С. 101—131.
30. Файн Л. Е. Проблемы «строительства социализма в СССР» в историографии постсоветского периода (1991—2007 гг.) / Л. Е. Файн. — Москва : Изд-во ГПИИБ, 2008. — 159 с.
31. Филиппов Б. А. Путеводитель по истории России 1917—1991 / Б. А. Филиппов. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. — 686 с. — ISBN 978-5-7429-0579-0.
32. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 422 с. — ISBN 978-5-8243-1012-2.
33. Хоскинг Д. Правители и жертвы : русские в Советском Союзе / Д. Хоскинг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 543 с. — ISBN 978-5-86793-978-6.
34. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 478 с. — ISBN 978-5-8243-1314-7.
35. Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований / Сб. научн. тр. под ред. О. В. Горбачева. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2017. — 752 с. — ISBN 978-5-7996-2273-2.

*Статья поступила в редакцию 08.10.2023,
одобрена после рецензирования 12.12.2023,
подготовлена к публикации 23.01.2024.*

Material resources

Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg. F. R-24 (Leningrad Regional Committee of the CPSU). (In Russ.).
Chuev, F. I. (1999). *Molotov: the semi-sovereign ruler*. Moscow: OLMA PRESS. 736 p. ISBN 5-224-00482-9. (In Russ.).
Decisions of the party and the government on economic issues. In 5 volumes, 3. 1941—1952. (1968). Moscow: Politizdat. 754 p. (In Russ.).
How the NEP was broken. Transcripts of the plenums of the Central Committee of the CPSU(b) 1928—1929: in 5 volumes, 4, 5. (2000). Moscow: MFD. 767 p.; 703 p. (In Russ.).
The history of collective farm law: a collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR. In 2 volumes, 1. 1917—1936. (1959). Moscow: Gosyurizdat. 518 p. (In Russ.).
Uspensky, G. I. (1949). *Selected works*. Moscow: Moskovsky Rabochy. 599 p. (In Russ.).

References

Allen, R. S. (2013). *From farm to factory: a new interpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 390 p. ISBN 978-5-8243-1810-4. (In Russ.).
Babashkin, V. V. (2020). Social aspects of collectivization of peasant farming in the USSR in the 1930s and the “second collectivization” in the 1950s. In: *The social world*

- of the village of the X—XXI centuries: landowners/landowners and farmers.* Moscow: IRI RAS. 240—243. ISBN 978-5-8055-0384-0. (In Russ.).
- Bakulin, S. N., Mishustin, D. D. (1940). *Statistics of foreign trade.* Moscow: International Book. 320 p. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Izyumova, L. V. (2001). *The duties of the Russian peasantry in the 1930s—1960s.* Vologda: Vologda Scientific Coordination Center of the Central Research Institute of the Russian Academy of sciences. 141 p. ISBN 5-93299-025-2. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (2002). Agrarian reforms and agrarian revolutions in Russia (1861—2001). In: *Russia in the XX century. Reforms and revolutions. In 2 volumes, 1.* Moscow: Nauka. 13—67. ISBN 5-8243-0006-2. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (1999). Introduction (the origins and the beginning of the village tragedy). In: *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials in 5 volumes. 1927—1939. Vol. 1: May 1927 — November 1929.* Moscow: ROSSPEN. 13—67. (In Russ.).
- Davydov, A. Y. (2023). *“Socialist reconstruction” of the 1930s: the USSR is heading for a big war.* St. Petersburg: Eurasia. 384 p. ISBN 978-5-8071-0591-2. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. (2021). *New economic policy: power, people, economy in post—revolutionary Russia.* St. Petersburg: Eurasia. 320 p. ISBN 978-5-8071-0517-2. (In Russ.).
- Dobronozhenko, G. F. (2007). *Komi village in the 30s of the XX century: political repression and dispossession.* Syktyvkar: ed. Syktyvkar University. 324 p. ISBN 978-5-87337-562-3. (In Russ.).
- Filippov, B. A. (2013). *A guide to the history of Russia 1917—1991.* Moscow: Publishing House of St. Petersburg State University. 686 p. ISBN 978-5-7429-0579-0. (In Russ.).
- Fine, L. E. (2008). *The problems of “building socialism in the USSR” in the historiography of the post-Soviet period (1991—2007).* Moscow: Publishing House of GPIB. 159 p. (In Russ.).
- Fitzpatrick, Sh. (2001). *Stalin’s peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: the village.* Moscow: ROSSPEN. 422 p. ISBN 978-5-8243-1012-2. (In Russ.).
- Hosking, D. (2012). *Rulers and victims: Russians in the Soviet Union.* Moscow: New Literary Review. 543 p. ISBN 978-5-86793-978-6. (In Russ.).
- Ilyinykh, V. A. (2021). Siberian village during collectivization: microhistory (Plotnikovo village of the Novosibirsk district of the Novosibirsk region). *Krestyanovedenie*, 6 (1): 71—90. (In Russ.).
- Ivnitsky, N. A. (2009). *The famine of 1932—1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central Chernozem region, Western Siberia, the Urals.* Moscow: Sobranie. 288 p. ISBN 978-5-9606-0076-7. (In Russ.).
- Khlevnyuk, O. V. (2010). *Host. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship.* Moscow: ROSSPEN. 478 p. ISBN 978-5-8243-1314-7. (In Russ.).
- Kip, D. (2009). *The Era of Joseph Stalin in Russia: modern historiography.* Moscow: ROSSPAN. 327 p. ISBN 978-5-8243-1115-0. (In Russ.).
- Kodin, E. V. (1998). *“Smolensk Archive” and American Sovietology.* Smolensk: SSPU. 285 p. ISBN 5-88018-092-1. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V., Mozokhin, O. B. (2018). *Political departments of MTS in 1933—1934.* Moscow: Algorithm. 304 p. ISBN 978-5-906914-75-0. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2008). *The Famine of 1932—1933: the tragedy of the Russian village.* Moscow: ROSSPEN. 518 p. ISBN 978-5-8243-0987-4. (In Russ.).

- Mishustin, D. D. (1938). *Foreign trade and industrialization of the USSR*. Moscow: International Book. 223 p. (In Russ.).
- Modern peasant studies and agrarian history in the twentieth century*. (2015). Moscow: Political Encyclopedia. 742 p. ISBN 978-5-8243-1989-7. (In Russ.).
- Osokina, E. A. (2009). *Gold for industrialization: Torgsin*. Moscow: ROSSPEN. 589 p. ISBN 978-5-8243-1110-5. (In Russ.).
- Romanov, V. N. (1991). *Historical development of culture: Problems of typology*. Moscow: Nauka. 190 p. ISBN 5-02-017238-3. (In Russ.).
- Severyanov, M. D., Anisimova, L. Yu. (2018). *Revolution as a historical phenomenon*. Krasnoyarsk: SFU. 322 p. ISBN 978-5-7638-3786-5. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2008). Forced labor in the Soviet economy: 1930s — mid—1950s. In: *GULAG: economics of forced labor*. Moscow: ROSSPEN. 17—66. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2005). The Soviet “Neftesindicat” on the domestic and international markets in the 1920s. In: *Economic history. Review*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 101—131. (In Russ.).
- The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations*. (2017). Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 752 p. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- Vasiliev, Yu. A. (2006). *Modernization under the red flag*. Moscow: Modern Notebooks. 343 p. ISBN 5-88289-301-1. (In Russ.).
- Velikanova, O. V. (2013). The Peasant Union in the 1920s and the formation of peasant identity: a modernization discourse. In: *Man and personality in the history of Russia, the end of the XIX—XX century: Proceedings of the International Colloquium (St. Petersburg, June 7—10, 2010)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 293—310. (In Russ.).
- Winter, V. F. (2006). The famine of 1932—1933 in the letters of the workers of Russia. *Russian history*, 2: 47—55. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (2006). *Stalin’s “revolution from above” after the “great turning point”. 1930—1939: policy, implementation, results*. Moscow: Nauka. 315 p. ISBN 5-02-035087-7. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (1994). Was there a collective farm “neonep”? *Russian history*, 2: 105—121. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2012). Problems of studying and interpreting collectivization in agriculture and the creation of a collective farm-state farm system in the USSR. In: *Power and society in the history of Russia*. Moscow: AIRO-XXI. 105—120. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2018). *The Stalin era. Economy, repression, industrialization. 1924—1954*. Moscow: Veche. 304 p. ISBN 978-5-4444-6437-3. (In Russ.).

*The article was submitted 08.10.2023;
approved after reviewing 12.12.2023;
accepted for publication 23.01.2024.*